Варгузова Светлана Павловна

18.11.2000

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

НОЯБРЬ – 2000

Еженедельное приложение к «НГ» № 41 (41), 18 ноября 2000 г. Выходит с января 2000 г.

● НИКОЛАЙ ПОГОДИН КАК ДИССИДЕНТ стр. 11

● МАРИЯ БАБАНОВА ПРИШЛА ИЗ СКАЗКИ стр. 11

ТВ ПАВЕЛ ШЕРЕМЕТ: ТВОРЧЕСКОЕ КРЕДО стр. 12

ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ стр. 13

● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ» стр. 15

● АФИШНАЯ ТУМБА стр. 16

Независимая газета. – 2000. – 18 ноябр. – с.9

«МАРИЦА В КУПАЛЬНИКЕ» – называли журналисты звезду отечественной оперетты СВЕТЛАНУ ВАРГУЗОВУ

Наталья Заруцкая,
Александр Щуплов

Светлана Варгузова.

– СВЕТЛАНА, как вы пришли в оперетту?

– Так вот – шла-шла и пришла. Оперетту я любила с детства. Как рассказывает мама, пела с детского сада. Потом училась в средней школе в Люблино, была солисткой школьного хора. Любимым моим предметом, естественно, было пение. Все свое детство и юность пела в хоре детей железнодорожников, которым руководил брат композитора Исаака Дунаевского – Семен Дунаевский. Хор был вроде бы полупрофессиональный, но мы вовсю записывались на радио, к нам приходили профессиональные композиторы, так что самодеятельностью это можно назвать с натяжкой. После школы отправилась поступать в Гнесинское училище. Я была стройна, хорошо танцевала, и меня определили на отделение музыкальной комедии. Позже мне очень понравилась оперета, и я в нее буквально влюбилась. Оперетта – синтетический жанр (хотя сейчас к этому начинают стремиться многие театры): здесь надо уметь петь, танцевать – на высоком уровне. Я не теоретик, поэтому прошу не судить строго мое определение: по-моему, оперетта – это маленькая опера. Она, как правило, должна быть легкого характера, оптимистической, с хорошим концом. Обязательно должны присутствовать интересные диалоги и танцы.

– Пишутся ли сейчас в этом жанре новые произведения?

– До перестройки оперетт писали очень много. Тогда это было модно. Многие темы в этих советских опереттах идеологизированы, поэтому их сейчас не ставят. А ведь музыка в них была прекрасная. Ну, а некоторые произведения Стрельникова, Милютина, Дунаевского устарели по части либретто.

– Неужели нельзя найти писателей, чтобы сочинить новые либретто?

– Сейчас просто так не пишут, пишут за деньги. Стало быть, нужны спонсоры с деньгами.

– Значит, надо доигрывать старый репертуар?

– Вообще-то, «Гамлет» – тоже старый репертуар.

– Неужели не хочется сыграть что-нибудь новенькое?

– А что такое «новенькое»? Новое – хорошо забытое старое. Посмотрите, что сейчас ставят в театрах: Островский, Шекспир – то, что по определению не может быть «стареньким». «Новенькое» может быть у Агутина. А «старенькое» – Пушкин. У нас идут «Марица», «Сильва», «Летучая мышь» – классические произведения, проверенные временем. Классика новой быть не может. Вы представляете себе выражение «современная классика»? Лично я – нет. Классическим произведение называется в том случае, если оно выдержит проверку временем – 10, 20, 50 лет... Или не выдержит – и уйдет, как песни Алены Свиридовой.

– Возможна ли такая ситуация: собираются композитор и либреттист и договариваются: «Нам очень нравится эта артистка (или артист). Не написать ли нам для нее новую оперетту?»

– К сожалению, Оффенбахи рождаются не каждый год. Для кого сейчас пишут новые произведения? Например, кто писал для Галины Вишневской? Она играла и пела классику. А постановку для нее сделали по пьесам Островского. В оперетте сейчас нет ничего нового. Может быть, пройдут времена и для нас будут писать. А пока в оперетте расцвета нет.

– Застой?

– Думаю, этот застой создан искусственно и идет он от безденежья.

– У Театра оперетты нет денег?

– У Театра оперетты – не знаю, а у меня нет. Платят, конечно, зарплату. Смешно говорить, сколько. Я, народная артистка России, от силы получаю в месяц три тысячи. Живем гастролями. В последнее время побывали в Вене, Израиле, поездили по бывшему Союзу – от Минска до Владивостока, от Астрахани до Архангельска. И везде хорошо принимают. Каждый раз на гастролях убеждаюсь, что оперетта народом не забыта и по-прежнему любима. Выступаем с полными залами. Зритель у нас сохранился. Конечно, многое зависит от рекламы. Но у нас по-прежнему есть постоянные зрители, которые ходят, независимо от рекламы.

– И поклонники сохранились?

– И поклонники! Артистам оперетты повезло: на их спектакли ходят люди иного толка, чем эстрадные или футбольные фанаты.

– И многим поклонникам вы разбили сердца?

– Упаси боже. Никогда не задавалась целью их разбивать. Это не мое амплуа в жизни. К тому же настоящая женщина не будет вести счет победам – разве она летчик-истребитель?

– Каким должен быть мужчина, чтобы вам понравиться?

– Говорят, современный мужчина должен быть обязательно деловым. А мне нравятся умные и добрые. Женщина должна чувствовать себя рядом с любимым мужчиной, как за каменной стеной. У меня с мужем именно так! А вообще, отвечу вам словами своей героини из спектакля «Женщина и мужчина». Когда ей говорят: «Вот теперь мы узнаем о вас все», она отвечает: «Разве можно узнать о женщине все? Тогда она просто не женщина!»

– Есть ли у вас в искусстве кумиры?

– Кумиров я не люблю, но почитаю и уважаю талантливых людей. У некоторых учусь, некоторых критикую... И очень люблю хороших певцов. В этом смысле мой неоспоримый кумир – Елена Образцова. Да и все солисты Большого театра – мои кумиры!

– Как вы относитесь к современной песне?

– По настроению. В годы моей юности была эстрада и песни. Сейчас – шоу и бизнес. Некоторые современные песни слушаю с удовольствием, некоторые – противно слушать. То на иностранном языке, то одни компьютеры, то сплошь безголосые певцы... А тексты?! Такое впечатление, что порой нарочно коверкают слова, чтобы никто ничего не понял...

Современная эстрада очень разная: есть откровенно-пошлая, есть серо-безликая, есть просто средненькая, а есть и хорошая. Я очень тепло вспоминаю из эстрадных певцов прошлого Владимира Трошина, который, без преувеличения, был одной из звезд первой величины. Из певиц люблю Ларису Долину, особенно мне нравилось ее исполнение джазовых композиций. Она музыкальна, у нее голос – Божий дар. Ну, а сейчас она поет, что «кушают» и слушают. Впрочем, и эстрадные песни она исполняет на хорошем уровне. Очень культурный певец – Валерий Леонтьев. Не сравнить с... я даже не запоминаю некоторых певцов. Раз не запомнила фамилию, значит, и слушать нечего! Если я послушала и не зафиксировала для себя эту личность, то это – приговор. Или вдруг начинаю путать Апину и Свиридову. Они, конечно, девочки хорошенькие, все прыгают. И вдруг... Помните, по ТВ транслировали фестиваль «Евровидение», где Алсу завоевала 2-е место? На нем выступало немало девичьих ансамблей. Главным условием было – петь «живьем». Вот когда все стало ясно! Я вдруг услышала такую фальшь, увидела полное отсутствие слуха и вокальных данных! Ну, как если бы в нашей оперетте запел кордебалет. Можете себе представить, что бы было? Нынешняя песня делается технически, искусственно – записи, наложения... А я считаю, что певец может состояться лишь в том случае, если вышел и спел живьем!

– И все-таки кто вам нравится из наших молодых исполнителей?

– Очень оригинальна Земфира. То, что сама пишет слова и музыку, говорит о многом...

– Мы живем в поющей стране. Как вы относитесь к тому, что сейчас некоторые политики запели или вышли на сцену?

– Их можно понять – они популяризируют себя.

– А если артист выйдет на политическую сцену?

– Кто-то и выходит. Например, Иосиф Кобзон.

– Как вы относитесь к женщинам, которые пошли в политику?

– Молодцы! Я их уважаю. Женщин в политике должно быть больше. Только бы они не омужествлялись, а оставались женщинами. Ведь у женщин есть свой, женский подход к решению проблем, они могут находить такие решения, которые мужчинам и в голову не приходят. Ну, а если говорить об искусстве, то без женщин его вообще не может быть! Здесь для женщины – самое широкое поле деятельности.

– Вы – политизированный человек?

– Хожу, голосую. Кого рекламируют – за того и голосую. Иногда бывает обидно: дурят нашего брата. Политики не облегчают людям жизнь, а наоборот – усложняют. Очень много проблем.

– Как вы думаете, эти проблемы реальные или искусственные?

– Нам говорят, мол, по-другому нельзя. Не знаю, может быть, и нельзя. И все-таки раньше у людей была какая-то определенность в жизни, хотя возможностей было и меньше. А сейчас не знаешь, что будет завтра, через месяц... Что-то все время происходит с рублем и этим... как его там... долларом. Видимо, деловые люди на этом делают деньги. У актеров другая жизнь. Мы играем – и должны получать за свою работу достойную зарплату. Достойную!

– До перестройки вам жилось лучше?

– Во всяком случае, я, народная артистка, была обеспеченным человеком, имела приличную зарплату. И пусть я не имела виллы за границей, как сейчас имеют некоторые, но я чувствовала себя защищенной. Я предполагала, что после ухода на пенсию буду преподавать – и этого мне будет достаточно. Теперь же выясняется, что за преподавательскую работу платят такие гроши! Меня сейчас пригласили в ГИТИС преподавать вокал. Приходится вкладывать в каждого студента силы, здоровье, а материальной отдачи никакой. Когда-то был популярен стишок: «Тяжела и неказиста жизнь советского артиста». Теперь это можно сказать про любого человека. Я отнюдь не бедствую так, как некоторые популярные артисты кино. Они поднимали русское искусство, отдавали ему жизнь, здоровье – а умирают в полной нищете. Ужас!

– Вы фаталист или считаете, что человек – кузнец своего счастья?

– Иногда думаешь: «От судьбы не уйдешь». А иногда: «Надо что-то делать!» И тогда заставляю себя что-то делать, преодолевать, тратить силы и энергию. А потом появляется ощущение, что если бы я ничего не делала, все равно было бы то же самое. Суетиться не всегда хорошо. Иногда лучше остановиться и предоставить событиям идти так, как они должны идти. Хотя так можно и проспать!

– Как складываются ваши отношения с религией?

– Человек всегда во что-то верит – в судьбу или в Бога. Но обязательно верит! Я хожу в церковь, хотя и не часто... Кстати, в числе моих поклонников – настоятель Владимирского монастыря. Иногда он поздравляет меня с праздниками, присылает цветы, пишет письма, в которых высказывает замечания по поводу моих спектаклей. Очень просвещенный человек, разбирающийся в искусстве и владеющий литературным языком.

– Распространена ли в среде артистов оперетты зависть?

– Сейчас, как я заметила, у многих развиты хватательные рефлексы. Работает закон джунглей: «Кто с ножом – тот с мясом!» Но то – джунгли, а мы живем в человеческом обществе – в обществе, где совесть, к сожалению, оказалась не в моде...

Я – не завистливый человек и никому не завидую. Разве что могу испытывать зависть к какой-то роли, которую мне хотелось бы сыграть. За свою жизнь я сыграла около 50 больших ролей. Мне повезло: маленькие роли меня миновали. И играла почти во всех опереттах, которые шли и идут в нашем театре, – Сильву, Марицу, Адель, Розалинду... Если говорить о мечте, то она у меня одна – играть, играть, играть! И еще – я давно мечтаю спеть некоторые мужские арии в опереттах. Мне кажется, мужчины не всегда могут точно и тонко выразить те чувства, которые заложены в прекрасной музыке...

– Какое событие в жизни запомнилось вам как самое радостное?

– В детстве, когда я училась, кажется, в 4-м классе, мама купила мне новые ботинки. В те времена с обувью было плохо. Я была счастлива! И еще никогда не забуду свой школьный выпускной вечер. Я была в новом, сшитом к вечеру платье, нарядная, красивая, говорили, лучше всех!

– Так вы уже в школе были звездой?

– Что вы! Я никогда звездой не была, но люди со стороны замечали, что я – какая-то особенная, во мне есть изюминка.

– Считаете ли вы себя секс-символом?

– Нет, я далеко не секс-символ. Конечно, актриса оперетты должна иметь, как говорят в театре, «манок», посылать в зал со сцены «призыв». Если этого нет в тебе самой, если, как говорится, Боженька не дал, то не достичь никакими ухищрениями. И все же я не секс-символ. Мне всегда тепло в моих ролях, я живу в них, они – моя вторая, третья, если хотите, бесконечно иная жизнь, как у каждого творца. Может быть, поэтому мне трудно сказать, кто бы мог претендовать сегодня на роль секс-символа, хотя многие стремятся создать себе подобный имидж.

– Как женщина вы ощущаете свой возраст?

– По-разному бывает. Иногда ощущаю, иногда нет. Порой тяжело ходить на сцене на высоком каблуке. И все-таки когда выхожу на сцену, не ощущаю ни усталости, ни возраста.

– В чем секрет вашего жизнелюбия и молодости?

– Надо сохранять в себе состояние влюбленности! Или жить так, чтобы в тебя были влюблены. Моя тайна – любовь! Когда женщина любима или влюблена, она всегда привлекательна и неотразима.

– Наложила ли оперетта на вас свой специфический, чисто «опереточный» отпечаток?

– Основатель нашего театра, патриарх опереточного жанра Григорий Ярон говорил: «Оперетта – искусство молодых и умеющих быть молодыми». Я умею быть молодой. Одеваюсь, как мне удобно. Хожу в мини. Говорят, у меня хорошие ножки. В одной газете как-то меня назвали «Марицей в купальнике»...

– Вы считаете себя счастливым человеком?

– Счастье – это сиюминутное состояние. Когда хорошее настроение – я счастлива. А вообще-то, жизнь полосатая... И потом, мне рано еще подводить итоги. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Светлана Павловна Варгузова родилась в Москве. Закончила Государственное музыкальное училище им. Гнесиных. Работает в Московском театре оперетты, где исполняет ведущие партии в классических опереттах Легара, Кальмана, Оффенбаха. Во втором браке живет с мужем 20 лет. Имеет дочь Анастасию и двух внучек – Ксюшу и Марию.

35